

ПЛЕБЕЙСКИЙ ТРИБУНАТ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЦИЦЕРОНА

А. А. Павлов
(Сыктывкар)

Как в мировой¹, так и в отечественной² историографии существует немало работ, посвященных анализу государственной теории Цицерона. Как известно, идя, в целом, за Полибием, он отстаивал смешанный характер римской (идеальной) конституции, опирающейся на взаимодействие сената, магистратур и народа. Из этой схемы неясным остается трактовка Цицероном положения такого важного политического института Римской республики как плебейский трибуна³, который современными исследователями то включался в систему магистратур, то связывался с народной властью, то рассматривался как негативная власть или как контрмагистратура⁴.

¹ HEINZE R. Ciceros «Staat» als politische Tendenzschrift // Das Staatsdenken der Römer. Darmstadt, 1973. S. 291–314; SALMSEN F. Die Theorie der Staatsformen bei Cicero de re publica I // Ibid. S. 315–331; VOGT J. Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt, 1963; PÖSCHL V. Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero. Berlin, 1936; MEYER E. Das politische Denken in Rom // Museum Helveticum. 1988. 45. Jahrg.; HEUSS A. Ciceros Theorie vom romischen Staat. Göttingen, 1976; etc.

² УТЧЕНКО С.Л. Политические учения древнего Рима. М., 1977. С. 117–157; он же. Политико-философские трактаты Цицерона («О государстве» и «О законах») // Цицерон. Диалоги. М., 1994. С. 153–174; Сидорович О.В. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в раннереспубликанском Риме // Древнее право. М., 1996. № 1. С. 47–52; ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. Теория «смешанной конституции» у Цицерона и система принципата // Там же. С. 95–101; и др.

³ Эта проблема нашла отражение в очень ограниченном числе работ, среди которых, прежде всего, необходимо назвать следующие: PERELLI L. Note sul tribunato della plebe nella riflessione Ciceroniana // Quaderni di storia. 1979. A 5. № 10. P. 285–299; GROSSO G. Appunti sulla valutazione del tribunato della plebe nella tradizione storiografica conservatrice // Index. Quaderni cameri di studi romanistici. 1977. Vol. 7. P. 157–161.

⁴ Анализ современных концепций см.: CATALANO P. Tribunato e resistenza. Torino, 1971; LOBRANO G. Fondamento e natura del potere tribunitio nella sto-

Плебейский трибунат в изображении Цицерона

Труды Цицерона дают огромную пищу для анализа ряда проблем, связанных с плебейским трибунатом. Однако, не касаясь здесь сложных взаимоотношений Цицерона с этим институтом, остановимся лишь на общей его оценке Цицероном.

Сведения о трибунате содержатся у Цицерона в самых разных работах (см. приложение). Хотя, если говорить о его оценке и месте, отводимом ему в системе римского государства, то здесь для нас наиболее важны диалоги *De re publica* (II.57 sqq.) и *De legibus* (III.9 sqq.; 16–26), в которых он постарался обобщить свою позицию относительно трибуната⁵.

В целом, его оценка колеблется между оправданием трибуната как составной неотъемлемой части конституционного равновесия и приговором ему, как революционному учреждению, источнику мятежей и опасностей для власти *principes* и конституционного порядка⁶. Эта двойственность в основном ограничивается *De re publica*, в то время как в *De legibus*, превалирующей становится господствующая аристократическая традиция, делающая упор на инструментальные функции плебейского трибуната, направленные на стабилизацию конституционного порядка. Рассмотрим два диалога по порядку.

В диалоге «О государстве» (54 г. до н. э.) трибунату уделено очень мало места, как и в VI книге «Всеобщей истории» Полибия, послужившей, в значительной степени, его источником⁷. Однако это вовсе не указывает на его малозначимость в концепции *res publica* Цицерона, ибо без трибуната ее вообще невозможно представить. Впрочем сам этот факт косвенно указывает на позицию Цицерона. Чтобы лучше ее понять обратимся сначала к самому диалогу и основной его идее.

Первая книга диалога посвящена определению понятия государства как такового и идеального государства в частности. Согласно

riografia giuridica contemporanea // Index. Quaderni cameri di studi romanistici. 1972. P. 235–262; LOBRANO G. Il potere dei tribuni della plebe. Milano, 1983.

⁵ В силу того, что диалоги были написаны довольно поздно (конец 50-х гг. до н. э.), многие положения так или иначе высказывались им уже в более ранних работах, прежде всего в речах (е. г.: *De inv.* II. 52; *In Verr.* I.15 sq.; II.5.143, 163; *Pro Rabirio perd.*; *De domo suo*; *Pro Sest.*; etc.).

⁶ См.: PERELLI L. Op. cit. P. 285; HEUSS A. Op. cit. S. 70–80.

⁷ Утченко С.Л. Политико-философские трактаты Цицерона («О государстве» и «О законах») // Цицерон. Диалоги. М., 1994. С. 153–174. О влиянии трактата Полибия говорит и тот факт, что Сципион, главное действующее лицо диалога, был тесно связан с Полибием, а их мировоззренческие позиции во многом совпадали. См. также: Тыжов А.Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история. СПб., 1994. Т. 1. С. 5–33; Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995; Тыжов А.Я. Черты политической теории Полибия // Античное общество. Проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 71–84.

известного определения Цицерона, «государство есть достояние народа»⁸ (здесь и далее перевод В.О. Горенштейна). Идеальное же, к определению которого он неоднократно возвращается (I.45; 54; 69; II.41), то, что «образовано путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства»⁹ (т. е. *regnum, civitas optima-tium, civitas popularis*—I.42). Завершая теоретическую часть первой книги, Цицерон говорит, что лучшим из всех типов смешанных устройств является римское, «которое нам оставили наши отцы, получив его уже от предков» (I.70). Действие диалога относится к 129 г. до н. э., что предполагает, что сложение смешанной конституции произошло задолго до этого времени, по крайней мере в эпоху классической республики (287–133 гг. до н. э.), как полагал С.Л. Утченко¹⁰, но вероятнее, как следует из последующего исторического экскурса римской истории во второй книге «О государстве», и в еще более раннее время¹¹. Отдаляя время сложения смешанного устройства, Цицерон отдаляет и время формирования единого *populus*, который, по его мнению, является не любым соединением людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединением многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов¹². Ибо понять без этого его формулу *res publica est res populi* невозможно. Неслучайно одним из конституционных элементов Цицерона становится *populus*. И это не просто связано с калькированием греческого *δημος*, как составной части *μικτή* Полибия, и не только потому, что понятия *populus* и *plebs* в эту эпоху нивелировались¹³,—Цицерон намеренно избегает понятие *plebs*, используя его либо по отношению к ранним временам (*ante constitutionem mixtam*), когда последний имел свои интересы, отличные от *populus*, а если он употреблял это слово по отношению к современности, то зачастую вкладывал в него негативный оттенок *turba*. Тем самым Цицерон намеренно подменяет интересы *plebs* интересами *populus*, при этом уподобляя интересы последнего интересам *boni*¹⁴,

⁸ *Rep.* I. 39: *Est igitur, inquit Africanus, res publica res populi...*

⁹ *Rep.* I.69: *...id quod erit aequatum et temperatum ex tribus primis rerum publicarum modis.*

¹⁰ УТЧЕНКО С.Л. Указ. соч. С. 172.

¹¹ Сидорович О.В. Указ. соч. С. 49–52.

¹² *Rep.* I.39: *... populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus.*

¹³ МАЯК И.Л. Римляне ранней республики. М., 1993. С. 65.

¹⁴ Эллегар, рассмотревший вопрос о характере *boni*, дает следующие его значения. В социальном плане: 1) иногда—члены сенаторского сословия, 2) иногда—всадники, 3) всегда—представители господствующих классов, 4) всегда—*Iocupletes*. В политическом плане: 1) всегда—политические единомышленники автора, 2) сторонники сената, 3) иногда—противники

Плебейский трибунат в изображении Цицерона

что, отчасти, исходит из его идеи *concordia ordinum* (базой единения здесь служат те же интересы *boni*, рассматриваемые как государственные). Цицерон, пишущий диалог в 54 г. до н. э. и неоднократно в 50-е годы указывавший на то, что современное ему римское государство не являлось идеальным, переносит это понимание и на время диалога («...в настоящее время его нет...»—I.71), датируя его утрату смертью Тиберия Гракха, стремления которого, как трибуна, вновь разделили единый римский народ на две части¹⁵. Здесь же он указывает и на цель своей работы¹⁶: попытаться вернуться к *mores maiorum* и утраченному идеальному государству. Умаление интересов плебса весьма примечательно, поскольку сфера деятельности *tribuni plebis* автоматически переносится на *populus*, а, учитывая данное ему определение и приписываемые интересы, трибунат оказывается (в подтексте) выразителем интересов *boni*.

О самом трибунате мы узнаем из уст Сципиона во второй книге *De re publica*, в историческом эскизе римской конституции, где Цицерон показывает процесс сложения идеального римского государства, которое было «создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений»¹⁷. В этой связи трибунат—это одно из звеньев сложения идеального государства, поскольку способствует равновесию элементов. Его учреждение оправдывается суждением, что аристократия, после создания республики, предоставила слишком мало прав народу, когда природа государства побуждала к большему равновесию трех конституционных элементов. Цицерон утверждает, что стабильность государства может иметь место только в том случае,

популяр (HELLEGOUARC'H I. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. P., 1963. P. 489–492). См. также: СЕЛЕЦКИЙ Б.П. О социальном значении формулы *satis boni* в «переписке» Цицерона // ВДИ. 1974. № 2. С. 178–182; он же. О социальном и политическом значении формулы *consensus (consensio) bonorum* в «переписке» Цицерона // ВДИ. 1975. № 1. С. 144–151.

¹⁵ *Rep.* I.31: ... non quaerit cur in una re publica duo senatus et duo paene iam populi sint? nam ut videtis mors Tiberii Gracchi et iam ante tota illius ratio tribunatus divisit populum unum in duas partis...

¹⁶ *Rep.* I.32: ... senatum vero et populum ut unum habeamus et fieri potest, et permolestum est nisi fit, et secus esse scimus, et videmus si id effectum sit et melius nos esse victuros et beatius. (Но то, чтобы у нас были один сенат и один народ,—осуществимо, и очень огорчительно, если этого нет, а что этого действительно нет, мы знаем и понимаем, что мы, если это будет достигнуто, сможем жить лучше и счастливее).

¹⁷ *Rep.* II.2: ... nostra autem res publica non unius esset ingenio sed multorum, nec una hominis vita sed aliquot constituta saeculis et aetatibus.

если существует безукоризненное конституционное равновесие: «Вы должны твердо помнить то, что я вам сказал вначале: если в государстве нет равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий— с тем, чтобы достаточно власти было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей и достаточно свободы у народа, то этот государственный строй не может сохраниться неизменным»¹⁸.

Из определения следует, что в то время как и магистратура, и сенат, в смешанной конституции, обладают *potestas* и *auctoritas*, т.е. реальной властью, за народом признается только право на *libertas*, термин, который в данном контексте в сущности звучит как личная свобода. Не будучи ничем защищенной, при переходе от *regnum* к власти сената и магистратов, она из-за вопроса долгов оказалась в опасности перед первой сецессией, поскольку несостоятельные должники арестовывались кредиторами и патрицианские магистраты признавали законность арестов (*Cic. Rep.* II.58; ср.: *Liv.* II.28.7; etc.)¹⁹. Таким образом, исходя из рассказа традиции, который указывает на то, что трибунат возник вследствие долгового вопроса, Цицерон косвенно вменяет плебейской магистратуре *ius auxilium*, право помощи гражданину от насилия со стороны магистратов и, вероятно, *patres*, которые не предприняли никаких действий для сохранения свободы. Как видим в системе *senatus (auctoritas)—magistrates (potestates)—populus (libertas)* трибуны не имеют отдельного места, однако они непосредственно связаны с *populus*, точнее с защитой *libertas populi*, и защищая таковую, способствуют сохранению системы в равновесии. Фактически, не обладая властью, народ оказывается пассивным элементом, основанием иерархической системы. Функция трибуна, обладающего *potestas*, сохраняя *libertas populi*, сохранять этот элемент системы в пассивном состоянии. Цицерон ничего не говорит здесь о законодательной власти трибунов. Вместе с тем, он приписывает трибунату функцию контрвласти: трибунат является не просто инструментом защиты личных прав граждан, но контрвластью, учрежденной для уравнивания чрезмерной власти консулов, и право вето трибунов сравнивается с правом эфоров в Спарте и космонов на Крите: «Ведь даже порядок, установленный Ликургом, не удержал греков в узде; ибо и в Спарте, в царствование Феопомпа, было назначено пятеро человек, которых греки называют эфорами, на Крите—десять космонов, как их называют; как задачей плебейских три-

¹⁸ *Rep.* II.57: *id enim tenetote quod initio dixi, nisi aequabilis haec in civitate compensatio sit et iuris et officii et muneris, ut et potestatis satis in magistratibus et auctoritatis in principum consilio et libertatis in populo sit, non posse hunc incommutabilem rei publicae conservari statum.*

¹⁹ Бруно Л. (Bruno L. «*Libertas plebis*» in *Tito Livio // GIF.* 1966. Vol. 19. P. 107–130), также указывает на подобный характер *libertas* у Ливия.

Плебейский трибуна́т в изображении Цицерона

бунов было сдерживать консульский империй, так задачей тех должностных лиц было сдерживать царский произвол»²⁰.

Та же концепция, в более полном и разработанном виде, содержится в *De legibus* (III.15–17), где целью трибуната провозглашается противодействие власти консулов, без чего она превратилась бы в деспотическую: «Поэтому Феопомп не без оснований противопоставил в Лакедемоне эфоров царям, а мы консулам—трибунов. Ведь консул обладает именно той властью, которая основана на праве: ему должны подчиняться все остальные магистраты за исключением трибуна, чья власть была учреждена позднее—для того, чтобы больше не могло совершаться то, что когда-то совершалось. Это прежде всего ограничило права консула, так как появился человек, на которого его власть не распространялась, и так как трибун мог оказать помощь другим людям—не только магистратам, но и частным лицам в случае их неповиновения консулу»²¹.

В этой перспективе, трибуна́т оказывается уже не демократическим завоеванием народа, стремящегося избежать насилия аристократии (как в *De re publica*), но институтом, созданным, чтоб избежать опасности *regnum* со стороны консульской власти²². Примечательно, что здесь он говорит об *auxilium* не только частным лицам, но и другим магистратам, чем косвенно заявляется, что трибуна́т должен служить интересам руководящей аристократии, и всегда препятствовать тому, чтобы кто-либо из этой группы не приобрел чрезмерной личной власти²³. Примечательно также сравнение с эфорами Спарты, которые, согласно традиции, возникли как демократическое завоевание, но в ре-

²⁰ *Rep.* II.58: ac ne Lycurgi quidem disciplina genuit illos in hominibus Graecis frenos; nam etiam Spartaе regnante Theopompo sunt item quinque illi quos ephoros appellant, in Creta autem decem, qui cosmoe vocantur, ut contra consulare imperium tribuni plebis, sic illi contra vim regiam constituti.

²¹ *Leg.* III.16: Quare nec ephori Lacedaemone sine causa a Theopompo oppositi regibus, nec apud nos consulibus tribuni. Nam illud quidem ipsum quod in iure positum est habet consul, ut ei reliqui magistratus omnes pareant, excepto tribuno, qui post exstitit ne id quod fuerat esset. Hoc enim primum minuit consulare ius, quod exstitit ipse qui eo non teneretur, deinde quod attulit auxilium reliquis non modo magistratibus, sed etiam privatis consuli non parentibus.

²² По интересному замечанию А. Мastrocinque, тезис Цицерона, что трибуна́т был создан как противовес консульской власти, который привел в современной историографии к выработке понятий «негативная магистратура» и «антимагистратура», есть дань патрицианской традиции, стремившейся затушевать *ius agendi cum plebe* трибунов (Mastrocinque A. *Aspetti del tribunato alle origini della repubblica* // Древнее право. 1996. № 1. P. 65 sq.

²³ PERELLI L. *Op. cit.* P. 287.

альности создали более сильный контроль аристократии над правительством, что замечал уже Плутарх в своей биографии Ликурга (29): «Создание должности эфоров послужило не ослаблению, но упрочению государства: оно лишь на первый взгляд было уступкой народу, на самом деле—усилило аристократию» (пер. С.П. Маркиша).

Действительно, это сравнение оказывается совершенно исторически не корректным. Эфорат и трибунат различались несомненно и по происхождению, и по своей изначальной функции. Однако это сравнение позволило Цицерону абстрагировать трибунов от plebs'a, включить в состав римской аристократии и сделать выразителями интересов civitas (= boni).

Общая двойственность оценки, которая присутствует у Цицерона в оценке трибуната, проявляется в *De re publica* в дилемме: либо должно считать трибунат необходимым завершением того естественного процесса, который привел к усилению демократического элемента и конституционному равновесию, а значит способствовал сложению идеального государства, либо злом, которого можно было бы избежать при более умном подходе patres к решению проблемы долгов. С одной стороны, Цицерон говорит о естественном законе (в *De re publica* это natura), которому подчиняется процесс сложения смешанного государства, и который выше любого человеческого закона, с другой, субъективно допускает возможность существования свободы народа, как составной части смешанной конституции, и без трибуната, если бы patres были более лояльны в отношении долгов. Цицерон указывает, что «разумного основания для этого [учреждения трибуната—А.П.], пожалуй, не было». В этой фразе и личный упрек трибунагу, и упрек оптиматам, не способным повторить concordia ordinum, сложившуюся во время его консульства для борьбы с Катилиной. Распад concordia на partes, ведет Цицерона к подчинению требованиям natura, что мы встречаем уже у Лукреция Кара в его *De rerum natura*. Natura побуждает к равновесию и Цицерон оправдывает защиту трибунами libertas народа, но другие полномочия трибуната, в частности, его законодательную функцию, Цицерон здесь вовсе не рассматривает, как противоречащую этому равновесию. В других же работах—это опасный источник мятежей. Мы видели, что в реальности за народом в его идеальном государстве признается только право на libertas. При этом libertas Цицерон часто связывал с ius или lex²⁴, поэтому в законах и в их соблюдении должна была состоять суть и защита libertas. Ассоциация между lex и libertas приобретает чисто консервативное значение, поскольку

²⁴ См. Павлов А.А. Libertas у Цицерона // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. Москва, 4–6 декабря 2001 г. М., 2001, С. 164–167.

Плебейский трибуна́т в изображении Цицерона

libertas строго связана с абсолютным соблюдением конституционного порядка. Консервативная традиция превозносит это значение libertas, Цицерон всегда отстаивает ее юридическое выражение: auxilium и intercessio трибунов, а также институт provocatio²⁵.

Строго говоря, политическая libertas должна состоять в праве голосования, но здесь Цицерон выдвигает оговорки и ограничения, не признавая принцип равного голосования, предпочитая центуриатное цензовое собрание (*Rep.* II.40). Он исключает из понятия libertas право народа участвовать в управлении государством. Это связывается с отрицательной, в основном, оценкой законодательных инициатив трибунов, определяемых как мятежные, нарушающие согласие и социальный порядок. Отрицательное суждение о законодательной власти трибунов, мы встречаем уже в его трех консульских речах об аграрном законе (*De lege agraria* I–III). Трибунские аграрные законы рассматриваются им всегда как неприемлемые для boni (*De off.* II.78 sq.). Во многом отрицательная оценка трибунских инициатив связана и с его собственным изгнанием, посредством решения, принятого собранием трибунов под руководством плебейского трибуна Клодия. Равно отрицательное суждение высказывается о власти трибунов предпринимать судебные процессы против boni. Инициативы трибунов законодательного плана и судебного обычно определяются им как furor tribunicus (трибунское бешенство, ярость)²⁶.

Несмотря на схожесть с концепцией смешанной конституции Полибия, отношение к трибуна́ту у Цицерона претерпело в *De re publica* явную эволюцию. Полибий, в отличие от Цицерона, не ставил прямо под сомнение необходимость трибуна́та, как и его народный («демократический») характер: «трибуны обязаны действовать всегда в угоду народу и прежде всего сообразоваться с его волей» (VI.16.4; пер. Ф.Г. Мищенко). Не упоминая также ничего о законодательной власти трибунов, он говорит о veto трибунов как в отношении постановлений консулов, так и сената. Цицерон же о последнем умалчивает и делает это вполне осознанно, что будет лучше видно в *De legibus*, где от умолчания он перейдет к фактическому «реформированию» отношений между сенатом и трибуна́том. Это умолчание многозначно и навеяно, в значительной мере, политической практикой 60-х годов: оно предполагает обязательность постановлений сената, а priori рассматриваемых за «истинные», а также более «близкие» отношения того и другого, в отличие, например, от консулата, отдельные члены которого могут стремиться к regnum и должны поэтому (в духе сенатской политики) встре-

²⁵ *Leg. agr.* II.15; *Verr.* V. 161–169; *De orat.* II.199; *De rep.* II.54 sq.; ср.: Liv. III.55.4 sqq.

²⁶ *Pro Rabirio* 22; *Pro Murena* 24; *In Vat.* 18; *Phil.* I.22.

чать *intercessio* трибунов. Это новаторство заранее оправдывается Цицероном в первой книге, где автор выражает недоверие ко всем «умозрительным» теориям греков (е. г. I.36).

Диалог «О законах» (52 г. до н. э.), к которому Цицерон обратился по примеру Платона (I. 15), должен был по замыслу автора дополнить *De re publica*. Если в последнем он показал, что составляет структурную основу смешанного государства, то в первом он определяет те обычаи и законы, которые лежали в основе этого идеального государства и позволяли ему быть таковым. Цицерон включает в них ряд традиционных норм, присущих религиозному и государственному строю республиканского Рима. В то же время он прибегает к новшествам, которые не остаются незамеченными участниками диалога (III.12), и признаются самим автором (Марком), одним из участников диалога (*ibidem*). Он подчеркивает, что именно такие законы соответствуют наилучшему государственному устройству, как и приведенное им распределение прав магистратов и тех «кто ведает делами» («*magistratibus iisque qui graesint*»—*ibidem*). Поэтому обратимся к анализу государственных законов. Уже в первой книге *De legibus* Цицерон предупреждает, что его понимание закона отклоняется от понимания толпы (I.19). Он дает закону ряд взаимосвязанных определений. Все они трактуют его как естественный закон, как высший разум, как волю божества, как меру справедливости²⁷. Тем самым закон и право сакрализуются Цицероном. Общность интересов, которая была провозглашена в *De re publica*, необходимая для создания и функционирования *civitas*, дополняется теперь им общностью закона и права, связывающих ее с богами (I.23). Все отношения в идеальной общине поэтому должны следовать этим божественным законам, а все человеческие установления должны сообразовываться с ними. Те же, что отходят от них, не могут рассматриваться ни как справедливые, ни считаться законами—к этому числу

²⁷ Например: *Leg.* III.18: ... *lex est ratio summa, insita in natura, quae iubet ea quae facienda sunt, prohibetque contraria.* (...закон, как они же определяют его, есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное). *Leg.* I.19: *Itaque arbitrantur prudentiam esse legem, cuius ea uis sit, ut recte facere iubeat, uetet delinquere.* <...> *Ea est enim naturae uis, ea mens ratioque prudentis, ea iuris atque iniuriae regula.* (Поэтому принято считать, что мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать правильно, а совершать преступления запрещает. <...> Ибо закон есть сила природы, он – ум и сознание мудрого человека, он – мерило права и несправедливости). *Leg.* II.10: *Quam ob rem lex vera atque princeps, apta ad iubendum et ad vetandum, ratio est recta summi Iouis.* (Поэтому истинный и первый закон, способный приказывать и воспрещать, есть прямой разум всевышнего Юпитера).

могут относиться как законопроекты отдельных магистратов, так и решения, принятые народным собранием²⁸. В этом можно видеть намек Цицерона на несправедливые, с его точки зрения, законы, проводившиеся плебейскими трибунами. Впрочем он не отказывает трибунату в праве на существование, напротив, он перечисляет трибунов, с указанием их функций, при перечислении должностных лиц идеального государства: «Те, кого плебс изберет, числом десять, в свою защиту—ради оказания помощи против самоуправства, да будут трибунами плебса и, если они наложат запрет на чье-либо решение или предложат плебсу вынести какое-нибудь постановление, то да имеет это силу; да будут трибуны неприкосновенны и да не оставляют они плебса без своей помощи»²⁹.

Тем самым Цицерон признает здесь *ius auxilii* и *ius prohibendi* трибунов, их неприкосновенность и право принимать законы—права и полномочия полученные ими еще в эпоху сословного противостояния. Сам язык его законодательства довольно архаичен и близок к языку архаического законодательства, что приводит к тому, что он здесь, в согласии с историческими реалиями, говорит о *plebs*, а не *populus*.

Вслед за тем он дополняет полномочия трибунов: «...трибуны, которых плебс изберет для себя, да будут вправе обращаться к «отцам»; они же да вносят на рассмотрение плебса то, что будет полезным. Те предложения, которые будут обсуждаться перед народом или перед «отцами», да отличаются умеренностью»³⁰.

Признавая очевидный факт законодательства трибунов, Цицерон, вместе с тем, оговаривает его характер—законы, вносимые трибунами и принимаемые плебсом должны быть полезны (что несомненно он сам относит к сфере новшеств). Естественно, что полезность эта определяется не пользой плебса (собственные интересы которого, как мы видели выше, Цицероном отрицаются), а стабильностью *civitas*, стабильностью сложившегося *status quo*, то есть, прежде всего, пользой *boni*. Об этом же говорит и его апелляция к умеренности. К «новшествам» можно отнести и последующий пассаж Цицерона: «Если во время обсуждения вопроса возникнут беспорядки, то да будет это поставлено в вину тому, кто произносил речь. Совершивший интерцессию по па-

²⁸ *Leg. II.13*: ... neque in populo lex, cuiusmodi fuerit illa, etiam si perniciosum aliquid populus acceperit. (Народ не должен называть законом любое, даже пагубное постановление, если народ такое принял).

²⁹ *Leg. III.9*: Plebes quos pro se contra vim auxilii ergo decem creassit, ei tribuni eius sunt, quodque ei prohibessint quodque plebem rogassint, ratum esto; sanctique sunt; neve plebem orbam tribunis relinquunt.

³⁰ *Leg. III. 10*: tribunisque quos sibi plebes creassit ius esto cum patribus agendi; idem ad plebem quod oesus erit ferunto. Quae cum populo quaeque in patribus agentur, modica sunt.

губному делу да считается гражданином, принесшим спасение»³¹. Хотя действующее лицо и не указано в обоих случаях, но оно очевидно. Оба тезиса имеют в виду трибунов и направлены против их «*fuŕgo*»; их неотвечающие *usus* решения объявляются «*rei malae*», а трибун, выступивший на стороне *boni*, объявляется *salutaris civis* (ниже Цицерон раскроет это на примере Тиберия Гракха и Марка Октавия—III.24). Не безосновательна также гипотеза Томаса Яна, который, рассматривая фразу Цицерона «*Eius [senatus—A.II.] decreta rata sunt*» (III.10), и сопоставляя ее содержание с историческими реалиями первой половины I в. до н. э., предположил, что она направлена на умаление интерцессии трибуна³² в отношении сената. Все это говорит о том, что ряд новшеств Цицерона коснулся именно трибуната, и все они направлены на его подчинение сенату, в чем, отчасти, проявляется общее для мировоззрения Цицерона стремление вернуться к практике классической Республики, ко времени, когда смешанная конституция существовала, а трибуны не выступали против сената, выражая волю нобилитета³³.

Следует заметить также, что трибуны, как нам представляется, не включаются Цицероном в число магистратур, ибо перечисление магистратов (III.6–9)—консулы, младшие магистраты, эдилы, цензоры, преторы—завершается диктатором, после чего следует фраза: «Других магистратов да не будет» (III.9). Плебейские трибуны названы уже после этой фразы. Исключение трибунов из числа магистратов весьма примечательно. Оно отражает сложившуюся традицию разделения магистратов на *plebis* и *patricii*, и умаление патрицианской традицией первых³⁴. Такой расклад позволяет Цицерону, с одной стороны, в очередной раз умалить трибунат и показать его особость, а с другой, сохранить логичность его трехчленной системы идеального государства (сенат—магистратуры—народ), где трибунат, следуя словоупотреблению Герцога³⁵, есть орган «народной» власти, охранитель *libertas populi*.

Более же явно отношение Цицерона к трибунату проявляется в дискуссии, которая разворачивается между братьями Квинтом и Марком после представления последним своих законов. Фактически она ставится во главу всего последующего разговора.

³¹ *Leg.* III.11: *Ast quid turbassitur in agendo, fraus actoris esto. Intercessor rei malae salutaris civis esto.*

³² THOMAS J. Cicéron, le Sénat et les tribuns de la plèbe // RHDFÉ. 1977. Vol. 55. P. 189–210.

³³ MARGADANT G.F. El tribunado de la plebe: un gigante sin descendencia // *Index. Quaderni cameri di studi romanistici.* 1977. Vol. 7. P. 181–186.

³⁴ LOBRANO G. Plebei magistratus, patricii magistratus, magistratus populi Romani // SDHI. 1975. Vol. 41. P. 245–277.

³⁵ HERZOG E. *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung.* Leipzig, 1891. Bd II. S. 1136–1160.

Плебейский трибуна́т в изображении Цицерона

В отрывке *De leg.* III.16, цитированном выше, первоначальная функция трибуната, *auxilium* против решений консулов, представлена не столько как защита интересов и *libertas* плебса, сколько как инструмент препятствования избытку власти отдельного магистрата в руках правительства оптиматов. Собственно в этом пункте, разворачивается дискуссия двух братьев: либо должно рассматривать трибуна́т как вредный для власти оптиматов, как полагал Квинт, определивший его как «великое зло» (III.17), либо скорее как полезный, как полагал Марк (III.23). Тема конституционного равновесия здесь совершенно отбрасывается и оба брата соглашаются в оценке трибуната как института вредного, хотя для Квинта он есть абсолютное зло, в то время как для Марка—меньшее зло, которое было сохранено, поскольку позволяет избежать еще большего зла. Основой суждения для каждого является стабильность правительства оптиматов.

Квинт, выступая против власти трибунов, намекает на ее незаконность («возникла во время мятежа и для мятежа»—III.19)³⁶ и высказывает в адрес трибунов обычные обвинения, из набора аристократической пропаганды: стремление аннулировать общественные различия, ставя ничтожных в один ряд с *principes*; предложения аграрных законов, наносящих ущерб *boni viri*, подобные законам Гая Фламиния или Тиберия Гракха; опасности для *clarissimi viri*, исходящие из раздоров и мятежей (III.19 sq.)³⁷. Квинт завершает речь похвалой в адрес Суллы, так как тот вернул власть трибунов к первоначальной *ius auxilii*, отобрав у них способность законодательствовать и организовывать судебные процессы против магистратов, и порицает Помпея, который в 70 г. до н. э. восстановил древние полномочия трибуната (III.22).

Критическое восприятие Квинтом трибуната полностью разделяется Марком. Но в то же время Марк говорит о необходимости диалектически подходить к оценке трибуната, помня наряду с его отрицательными чертами и о положительных. По его мнению, важной чертой трибуната является то, что он позволяет сдерживать жестокость народа. Этот тезис оказывается фактически подменой высказанного ранее, что трибуна́т противостоит самоуправству магистратов. Таким образом, трибуна́т защищается Цицероном не потому, что тот защищает народ от произвола аристократии, но потому что если бы он не находился во главе

³⁶ В этом же ключе следует понимать и противопоставление, сделанное ранее Марком (III.16), консульской власти («основана на праве») и трибуната («чья власть была учреждена позднее—для того, чтобы больше не могло совершаться то, что когда-то совершалось»).

³⁷ Эти обвинения были широко представлены в консервативной античной традиции. См.: Grosso G. *Appunti sulla valutazione del tribunato della plebe nella tradizione storiografica conservatrice // Index. Quaderni cameri di studi romanistici*. 1977. Vol. 7. P. 157–161.

vis populi, то она была бы гораздо более дика и необузданна. Цицерон добавляет, что «когда у народа есть вождь, то она иногда бывает более мягкой, чем при отсутствии вождя». Поэтому трибуна́т и полезен, поскольку сдерживает темперамент народа: «вождь помнит, что он действует на свою ответственность, народ же, в порыве своем, опасности не сознает»³⁸.

Трибуна́т, появляющийся в *De republica* как зло, которого ratio могло избежать, но не избежало, в *De legibus* напротив становится плодом ratio политиков, sapientia maiorum: «...но оцени проявившуюся в этом мудрость наших предков: после того, как «отцы» предоставили плебсу власть, он сложил оружие, мятеж прекратился, и было найдено разумное решение, благодаря которому простые люди могли считать себя равными первенствующим, а в этом одном было спасение государства»³⁹.

То, что пугало Цицерона в *De re publica* и вело к умолчанию, краткости и противоречивости изложения, в *De legibus* более ничуть не пугает, ибо найден теоретический выход из тупика. Учреждение трибуна́та оказывается средством сдерживания народного стремления к достижению равенства: получив трибуна́т, низы были фактически обмануты в своем стремлении уравниаться политически с верхами, имея конституционный орган, который теоретически представлял их интересы, но в реальности положение вещей осталось прежним, и государство было прочно сохранено в руках principes.

Цицерон добавляет, что principes имеют средство удобное и простое, чтоб нейтрализовать революционные действия трибуна́та—вето одного члена коллегии может парализовать любую инициативу коллег; не было трудно поэтому найти среди 10 трибунов одного sana mente, способного погасить опасный пожар (III.24). Термин sana mente или sanus использовался часто Цицероном в качестве эквивалента bonus, в противопоставление к furiosus (классическим примером того и другого здесь служат Октавий и Тиберий Гракх).

Из речи Марка следует вывод, что трибуна́т не представляет опасности господству сената и principes, но напротив служит препятствием любому опасному движению со стороны плебса. На возможное возражение Квинта, Марк отвечает, что Гракхов было только двое. Центральное ядро его аргументации сконцентрировано во фразе:

³⁸ Leg. III.23: Sed vis populi multo saevior multoque vehementior, quae ducem quom habet interdum lenior est, quam si nullum haberet. Dux enim suo se periculo progredi cogitat, populi impetus periculi rationem sui non habet.

³⁹ Leg. III.24: Sed tu sapientiam maiorum in illo vide: concessa plebei a patribus ista potestate arma ceciderunt, restincta seditio est, inventum est temperamentum, quo tenuiores cum principibus aequari se putarent, in quo uno fuit civitatis salus.

Плебейский трибуна́т в изображении Цицерона

«если высшее сословие не навлекает на себя ненависти, то и плебс не вступает в опасную борьбу за свои права». По мнению Цицерона, нивелирующего интересы *plebs'а* (*populus*) и *boni*, плебс получил формальное признание собственных прав в ходе сословной борьбы, доволен этим и теперь подчиняется власти оптиматов добровольно. Он заключает свою аргументацию, настаивая на политической необходимости предоставить народу орган для защиты *libertas*. Однако исходит при этом вовсе не из интересов плебса—оказывается предоставление *libertas* плебсу способствовало тому, что народ сам уступил свою власть аристократии. Получив в лице трибунов то, что желал (*libertas*), *plebs* утратил необходимость стремиться к чему-то еще. А трибуны, времени Цицерона, такие как Клодий, уже не отражают интересы народа, и поддерживаются лишь бандой рабов и наемников. В силу этой логики, Помпей поступил мудро, восстановив трибуна́т и его начальные полномочия, потому что народ не мог отказаться от права, которым долго пользовался (III.26)—согласно Цицерона, опасно и напрасно отменять уступку, сделанную народу, которая касалась его *libertas*. Но при этом важно сделать так, чтобы народные завоевания были частными и не затрагивали *auctoritas bonorum*. Цицерон поддерживает здесь Помпея за то, что тот, возвратив полномочия трибуна́ту, изъял инициативу из рук опасных демагогов.

Как видим, трибуна́т более не рассматривается здесь Цицероном как элемент необходимый для конституционного равновесия, не говорится о его функции балансира с целью ограничить возможности аристократии, как было высказано в *De re publica*, ничего не говорится и о полезности трибунского законодательства. Трибуна́т здесь—лишь удобный инструмент для того, чтобы обеспечить монополию власти *boni*, дав народу лишь иллюзию *libertas*, которая в политическом отношении не имеет какой-либо реальной сущности.

Это суждение Цицерона имеет свое историческое оправдание в эволюции функций и характера плебейского трибуна́та⁴⁰, который будучи в эпоху Ранней республики оружием сословной борьбы патрициев и плебеев, после образования нового патрицианско-плебейского нобилитета, превращается все более в выразителя воли сенатской аристократии и защитника незыблемости конституции, затем, в период от Гракхов до Суллы, вновь частично приобретает характер революционного органа, но после восстановления полномочий по *lex Pompeia* 70 г. до

⁴⁰ См., напр.: BLEICKEN J. Das römische Volkstribunat. Versuch einer Analyse seiner politischen Funktion in republikanischer Zeit // *Chiron*. 1981. Vol. 11. P. 87 ff.; FABBRINI F. «Tribuni plebis» // *NNDI*. Torino, 1973. XIX. P. 778–822; Павлов А.А. К вопросу об изменении характера плебейского трибуна́та на завершающем этапе сословной борьбы (339–287 гг. до н. э.) // *Древнее право*. 2000. № 1 (6). С. 126–135.

н. э., становится инструментом борьбы оппозиционных группировок, стремящихся к политической гегемонии.

Приложение

Плебейский трибунат у Цицерона: статистический анализ

Та важная роль, которую отводил Цицерон плебейскому трибунату, становится более очевидной при дополнении источниковедческого анализа статистическим. Мы сталкиваемся с терминами *tribunus plebis*, *tribunatus* и другими, семантически связанными с ними, начиная от первой работы (*De inven.* II.52) до последней (*Phil.* XIV)⁴¹. Чаще всего Цицерон использует термин *tribunus (plebis)* 331 раз, реже *tribunatus*—95 раз⁴² (всего 426). Кроме того, мы встречаем такие термины как *potestas tribunicia (tribunorum)*⁴³—17, *vis tribunicia*⁴⁴—8, *furor tribu-*

⁴¹ Для статистического анализа мы использовали тексты электронной интернет-библиотеки Latin library (<http://patriot.net/~lillard/cp/cic.html>). Поскольку данная библиотека не содержит всех фрагментов Цицерона, подсчеты не могут считаться стопроцентными. Однако погрешность эта очень невелика.

⁴² Из общего числа употреблений следует вычесть 4 употребления *tribunus pl.* и 2 *tribunatus*, что встречаются в письмах 50–51 гг. Целия к Цицерону (*Ad fam.* VIII. 4; 5; 8; 6; 13), а также 1 упоминание *tribunus pl.* в сочинении *Commentariolum petitionis* (64 г.), написанном братом Цицерона. Но и при этом, употребление этих терминов численно сопоставимо с употреблением термина *libertas*, играющего чрезвычайно важную роль в построениях Цицерона. Он использован Цицероном (по нашим подсчетам) 388 раз (в расчет не берутся другие близкие семантически и лексически к *libertas* понятия); см. Павлов А.А. *Libertas*. С. 164–167. Сходная частотность этих двух терминов показательна и отнюдь не случайна. Она говорит о сопоставимости значимости института трибуната и *libertas* как в реальной римской жизни этого периода, так и в концепции самого Цицерона. Понятие свободы и плебейский трибунат находятся у Цицерона в близком семантическом единстве. Важность трибуната, следующая из статистического анализа, станет более понятна, если сопоставить употребление рассматриваемых терминов с частотностью употребления других институтов. Так например к понятию *tribunus militum* Цицерон апеллирует всего 43 раза (к этому надо добавить *tribunatus*—4, и *candidati tribunicii* – 2). Эварных трибунов Цицерон упоминает лишь 5 раз.

⁴³ *De inven.* II.52; *In Caecil.* III.8; *In Verr.* I.15; II.5.163; *Pro Cluent.* 83; *Leg. agr.* II.30; 36; *De domo suo* 47; *De orat.* II.124; *Leg.* III.19; 22; 23; 25.

⁴⁴ *Pro Cluent.* 95; *Pro Murena* 82; *Leg. agr.* II.13; 14; *De domo suo* 129; *Pro Sestio* 44; *Leg.* III. 26.

Плебейский трибуна́т в изображении Цицерона

nicios⁴⁵—6, lex tribunicia⁴⁶—5, rogatio tr. pl.⁴⁷—5, tribunicus⁴⁸—4; ius tribunicium (tribuniciae potestatis)⁴⁹—3, collegium tribunorum⁵⁰—3, virtus (diligentia) et fides tribunorum pl.⁵¹—2, actio tribunicia⁵²—2, sanguis tr.⁵³—2, terror tr.⁵⁴—2, appellatio tribunorum—1 (*Pro Quinctio* 65), impetus tribunicus—1 (*Pro Cluentio* 103), spiritus tribunicios—1 (*Pro Cluentio* 109), vox tribunicia—1 (*Pro Cluentio* 110), comitia tribunicia—1 (*Ad Att.* I. 10), nomen tribunicium—1 (*Leg. agr.* II. 68), sententia tr. pl.—1 (*Ad Att.* III.15), studia tribunorum—1 (*Ad Att.* III.24), ictus non tribunicus—1 (*Post reditum in senatu* 17), latrocinio tr.—1 (*Ad frat.* II.2), proscriptio tr.—1 (*In Pisonem* 13), manus tr.—1 (*De domo suo* 63), libido tr.—1 (*De domo suo* 106), tribunalia—1 (*Pro Sestio* 128), crudelitas tr.—1 (*De oratore* II. 197), res tr.—1 (*Ad fam.* XV.27), adventus tr. pl. (*Pro Sestio* 11)—1, mucro tr.—1 (*De legibus* III.21).

Наибольшее число употреблений понятия *tribunus pl.* приходится на речи—218 (то же можно сказать и об употреблении термина *tribunatus*—58). На трактаты и письма приходится соответственно 47 (23) и 66 (14) упоминаний. Численное превалирование использования понятия *tribunus pl.* над *tribunatus* во всех типах работ говорит о превалировании «описательного» подхода над институциональным, аналитическим⁵⁵. Это превалирование можно считать абсолютным, не связанным с типами трудов. Даже работы, которые можно считать «программными», в отношении трибуната, такие как «О законах», «О государстве» также подчинены этому правилу⁵⁶.

⁴⁵ *Pro Murena* 24; *Post reditum in senatu* 11; *De domo suo* 103; *In Vatin.* 18; *Pro Rabirio perd.* 22; *Phil.* I. 22.

⁴⁶ *In Verr.* I.16; *Leg. agr.* II.21; 36; *De domo suo* 127; *Pro Sestio* 56.

⁴⁷ *Ad Att.* III.23; *Post reditum in senatu* 38; *Post reditum ad quir.* 10; *De domo sua* 87; *Ad fam.* I. 9.

⁴⁸ *Brutus* 180; *Phil.* XII 27; 30; *De domo suo* 77.

⁴⁹ *Leg. agr.* II.30; *Pro Sestio* 78; *Phil.* II.53.

⁵⁰ *In Verr.* II.2.100; *Pro Sestio* 113; *De domo sua* 47.

⁵¹ *Post reditum in senatu* 5; 18.

⁵² *Leg. agr.* II.65; *Pro Rabirio perd.* 17.

⁵³ *Post reditum in senatu* 33; *Pro Sestio* 43.

⁵⁴ *Pro Plancio* 86; *Ad fam.* II.18.

⁵⁵ Следует отметить, что это свойственно не только Цицерону, а всей античной традиции, что говорит о восприятии института через личность, исполняющую соответствующие обязанности, а также о конкретном характере мышления римлян.

⁵⁶ Плебейские трибуны в «О государстве» упоминаются 4 раза (трибуна́т ни разу), в «О законах» трибуны встречаются 11 раз, трибуна́т — 5. Исключениями служат: *De oratore* 6 и 5, и *Phil.* II— 5 и 4 упоминаний соответственно.

Что касается частотности употребления данных терминов по годам, то резкие пики приходятся на четыре года: 63-й год—44 (3)⁵⁷, 57-й—40 (9), 56-й—50 (24), 54-й—37 (10). Меньшие на 52-й—20 (10), 46-й—18 (10), 44-й—18 (7), 55-й—13 (7), 43-й—16 (1), 58-й—16 (0). Эта статистика не меняется, если мы посмотрим на употребление всего круга терминов, связанных с трибуналом: 63-й—52, 57-й—65, 56-й—81, 54-й—62; 52-й—38, 46-й—29, 44-й—29, 55-й—23, 58-й—19, 43-й—19. При этом абсолютное большинство терминов, связанных с трибуналом, употребляются в рамках тех же работ, что и основные понятия (трибун, трибунал). Кроме того, сопоставление частотности их употребления, указывает на преобладание их в речах—57. На трактаты приходится 11, а на письма—7. Большинство этих понятий эмоционально насыщены и имеют явно риторическую направленность, о чем говорит их употребление в речах.

Весьма важно, что с 63 (года консульства Цицерона) и до 43 (года гибели Цицерона), упоминания трибунов и трибунала становятся ежегодными. С этим же периодом практически совпадают упоминания трибунов в письмах (они встречаются с 62 по 43 гг. ежегодно)⁵⁸. Примечательно, что именно с года консульства Цицерона отношение к трибуналу меняется и в нем тесно сплетаются личные мотивы с политическими. Постоянное обращение к трибуналу—это не просто дань риторике, что впрочем тоже несомненно наблюдается, но осознание важности института. Постоянное обращение к нему в письмах, указывает на его важное значение не только в политической, но и его постоянное воздействие на «личную» жизнь респондента, которая, конечно, не мыслится в отдельности от политической. На примере самого Цицерона мы видим насколько неотъемлемой частью политической жизни является трибунал в середине I в. до н. э.

Важно отметить и «пики», приходящиеся на отдельные работы Цицерона. Наибольшее число упоминаний приходится на следующие труды: три речи *De lege agraria* 63 г.—34 (1), *De domo suo* 57 г.—27 (8), *Pro Sestio* 56 г.—39 (21). В меньшей мере это относится к речам *In Vatinius*—13 (3), *Pro Plancio*—7 (5), *Pro A. Milone*—9 (5). Из трактатов выделяются *De legibus*—11 (5) и *Brutus*—14 (9). Если дополнить этот список другими связанными с трибуналом понятиями, то расклад будет следующий: *Leg. agr.* (I-III)—44, *De domo suo*—44, *Pro Sestio*—66 (*Pro Cluentio*—16, *In Vatinius*—17, *Pro Plancio*—13, *Pro Milone*—14).

⁵⁷ Слева частотность употребления термина *tribunus pl.*, в скобках — *tribunatus*.

⁵⁸ Что касается писем, то они с 62 по 56 гг. почти, а с 51 по 47 гг. абсолютно, являются единственными нашими источниками, где встречаются рассматриваемые понятия.

Плебейский трибуна́т в изображении Цицерона

Третьим по частотности из терминов, семантически связанных с институтом трибунов, является *potestas tribunicia*, что указывает на приоритет властных полномочий в деятельности трибунов. С этим же понятием связан и ряд других, частотно доминирующих понятий, через которые выражается эта *potestas*—*lex*, *rogatio*, *ius* трибунов. Однако, эта власть трибунов в большинстве своем ассоциирована с отрицательными понятиями, что указывает на общее отрицательное отношение автора к институту трибунага. Это такие понятия как *vis*, *furor*, *terror*, *latrocinium*, *crudelitas*, *adventus*, *misero* и другие.

THE PLEBEIAN TRIBUNATE IN CICERO

A. A. Pavlov

Cicero is one of the earliest and fully remained Roman authors, who gives us the capability of complex source study and statistical analysis of *tribunatus* institute in epoch of the Roman Republic crisis and Cicero's attitude to it. The analysis of Cicero's point of view also allows to reveal its influence on the subsequent Roman tradition.

Cicero keeps on expressing his attitude to tribunate already in his early works (*de inv.* II.52; *in Verr.* I.15 sq.; II.5, 143, 163; etc.). His position is defined in full in dialogues *De re publica* (II.57 sqq.) and *De legibus* (III.19–26). The Cicero's estimation of tribunate oscillates between acquitting of institute as the constituent of the constitutional equilibrium and verdict to it, as to revolutionary entity. In dialogue *De re publica* tribunate appears as the spokesman of will of the *populus (plebs)* and its *libertas* and, as the opposition to excessive consuls authority. As to the last function, it appears at the end (*Leg.* III.15 sqq.), as tool of precluding to the excessive authority of a separate magistrate in arms of optimate government. The conclusion of reasoning in dialogue *De legibus* is the statement, that tribunate isn't only negative, but also useful, because it allows to constrain cruelty of the plebs.

Thus, in Cicero's reasoning different times features of tribunate are merged dichotomically; however in light of his own days, a conservative function of tribunate directed to preservation of authority *boni*, instead of the *libertas plebis*, is the main for him.

The appendix gives a statistical analysis of the Cicero's use of the terms *tribunus plebis* and *tribunatus*, as well as some connected with them, which allows to develop conclusions of the source study analysis. In our countings, there are 331 mentions of the term *tribunus pl.*, and 95 *tribunatus (pl)*. We find them from the first work (*De inv.*) up to the last one (*Phil.* XIV), which

A. A. Павлов

demonstrates the importance of the institute in the political life of this period, and in the life of Cicero himself. The most of mentions is in speeches—218 and 58 accordingly. The greatest number of mentions (in years) is in the 63rd—44 (3), in 57th—40 (9), 56th—50 (24), 54th—37 (10). From the years 63rd to 43rd the mentions become annual. As to his works, the maximum number of mentions is in speech *Leg. agr.* I—III—34 (1) *De domo suo*—27 (8), *Pro Sestio*—39 (21). The third on rate is the term *potestas tribunicia*—17. However, it is mostly associated with negative concepts (*vis*, *furor*, *terror*, *latrocinium*, *crudelitas*, *adventus*, *mucro*), which indicates the negative relation of the author to the tribunate.